

Глагольная флексия 2 л. мн. ч. всех парадигм, кроме перфектной, или иначе общая флексия 5-й формы, встречается в старофранцузских текстах в нескольких написаниях: -z, -tz, -s, -Ø, -tes, -tez, -des, -te или даже -ts, -st, -tst, -ds, как, например, в «Проповеди о пророке Ионе». Но рядом с ними появляется еще один, как это ни странно звучит, малоизвестный и непризнанный романистами показатель, передаваемый в рукописях знаками -t, -d, -th или в сокращении -& (-et), который для краткости будет называться дальше флексией -t, или асигматической флексией.

Существование французской флексии -t, по-видимому, признавал К. Хофман, если судить по его исправлениям стихов 134 и 403 «Страстей Христовых» [1]. После публикации «Жениха», осуществленной В. Клоэтта [2] и содержащей достаточно подробное обсуждение употреблений -t вместо -z, большинство издателей текстов сохраняют рукописные -t, давая им различные толкования. Грамматисты же вначале уделяли этому явлению некоторое внимание, а затем потеряли его из виду. А. Беренс, собрав значительное число французских примеров, допускал возможность формального сохранения латинских императивов [3]. В. Мейер-Любке колебался в определении статуса форм на -t; он называл их, с одной стороны, графической особенностью, а с другой, ввел в парадигму императива и допускал их этимологическое сохранение в окситанском и ретороманском, но позднее не включил их в свою «Историческую грамматику французского языка» [4].

Другие исследователи, не замечая работ своих предшественников, время от времени с удивлением обнаруживают формы на -t в старофранцузских текстах. В начале века К. Нюроп, найдя всего два примера в «Послании св. Стефана», естественно, усомнился в их доказательной силе [5]. В 50-е годы на те же примеры с похожим комментарием указал В. Ф. Шишмарев [6]. Десятилетие спустя на существование флексии -t во 2 л. мн. ч. в «Женихе», «Послании св. Стефана» и «Страстях Христовых» в связи с асигматическими формами 1 л. мн. ч. обратил внимание Г. де Пурк [7]. В 70-е годы одну форму на -t в тексте «Страстей Христовых» вновь открыл Ж. Муанье [8]. Авторы других исследований и пособий по истории французского языка формы на -t вообще не рассматривают.

Французские тексты X—XIV вв. дают значительное число примеров 2 л. мн. ч. на -t. Приводим эти формы в рукописных чтениях, по возможности без исправлений или с минимальными исправлениями [9].

Passion. Ms. de Clermont — Ferrand n°240 (anc. n°189), ко-

нец X — начало XI в., Лимож или Клермон — Ферран: querent 134, prendet 144, cremenet 403, requeret 404.

Sponsus. Ms. Paris, B. N. lat. 1139, конец XI в., северный Лимузен: oiet 11, eiset (ms.: aixex ou ais&) 12, atend& 13, 15, 26, dormet 14, 19, 23, 27, queret 63, 69, 70, auret 64, alet 64, 71, veet 65, preiat 72, al& 85, 85, ser& 87.

Poèmes farcis. Рукопись та же, что и в предыдущем случае: Poème II: laissat 6, aprendet 7, diiat 74, sabiat 21.

Épître de St. Etienne. Ms. du Petit Séminaire de Tours. Текст скопирован около 1130 г. в окрестностях Тура (в Авоне или Мармутье): seet 2, escotet 2,4, avet 57.

Sermons de St. Bernard. Текст сохранился в трех списках; наши формы обнаруживаются в рукописи Paris, B. N., fr 24768, конец XII в., Лотарингия: aemplisset 30.14, sovignet 147.10, gerpisset 147.99.

Psautier de Cambridge. Кембриджская рукопись переписана в Канторбери в середине или второй половине XII в.: seied 61.10, corned 80.3, esfowed 136.7, 136.7, vuillied 145.2, chanted 146.7, loed 148.2, 3, 4, 7.

Philippe de Thaun, Comput. Текст сохранился в англо-нормандских списках середины XII — начала XIII в., обозначаемых буквами A, C, L, S, V: suvienget 163 A=suvenget C, sovenge L; seiet 1530 C=seiez S; sacet 2061 A=sace S, sacez CL; verreit 2659 A=verrez C, verriez S; poset 2792 CAS=posez L; joinnet 2995 L=juinet V, juineth A, juigniez C; cuntet 3408 A=cuntez CLS.

Benedeit, Voyage de St. Brandan. Текст сохранился в четырех англо-нормандских рукописях (A, B, C, D) и одном пикардском списке (E) XIII в.: mettet 225 D; prengent 296 A=prenez B, pernez CDE; mentet 298 A=mentez CD; seet 359 A; streit 863 A=estrez B; clamet 1060 B; target 1659 B; chargiet 1660 B.

Benoit de Sainte — Maure, Chronique des ducs de Normandie. T — Bibliothèque municipale de Tours, n° 903, конец XII в., юго-запад; B — British Museum, Harleian Library, n° 1717, середина XIII в., Англия: dotet I 122 B=dotez 122 T; aparilliet II 361 B=apareillez 2525 T; sachiet II 9404 B=sachiez 11573 T; voudreit 5503 T.

Pèlerinage de Charlemagne. Ms. British Museum, Royal 16 E VIII конец XIII — начало XIV в., Англия: donet 216, 844, gardet 224, chevalchet 280, conuset 305, atendet 397, gardet 509, verret 523, comandet 580, gabaret 661, larded 704, huniset 721, lasset 841.

Chardry, Petit Plet. Текст сохранился в трех англо-нормандских рукописях XIII в. L, O, V: bainet 103 L=baynez O, bayngnez V.

Documents anglo-normands du XIVE s.: mostrit=mostrez, pouet [10].

Перечисленные формы за редкими исключениями никак не

закреплены в тексте. В таких условиях более осмотрительно отнести их на счет переписчиков. Сопоставление датировок и локализаций показывает, что асигматические формы были известны, по крайней мере, с X по XIV вв. на юге, юго-западе, востоке Франции и в Англии. На континенте зарегистрирована меньшая часть форм; они относятся к началу X — концу XII в. и встречаются только в написаниях -t и -&. На Англию приходится большая часть форм (47 из 82), которые датируются более поздним периодом и представлены написаниями -t (-&), -d, -th. Распределение рассматриваемых форм по отдельным глаголам и типам спряжения носит случайный характер: от 1 до 5 форм на данный инфинитив. Численное распределение форм по текстам и парадигмам выглядит следующим образом:

	Всего	Императив	Презенс индикатива	Презенс конъюнктива	Футу- рум
Passion	4	1	2	1	—
Sponsus	19 (+ 1?)	13 (+ 1?)	4	—	2
Poèmes farcis	4	2	—	2	—
Epître	4	3	1	—	—
St. Bernard	3	3	—	—	—
Ps. de Cambr.	10	10	—	—	—
Comput	10 (+ 1?)	5 (+ 1?)	4	—	1
Brendan	8	6	—	1	1
Benoît	4	2	—	1	1
Pèlerinage	13	7	3	—	3
Chardry	1	—	—	1	—
Doc. a.-norm.	2	2	—	—	—
Всего	82 (+ 2?)	54 (+ 2?)	14	6	8

Что же такое эти написания? Реальные старофранцузские флексии или морфологический мираж?

Прежде всего сразу же отклоним предположения об описке в результате смешения буквенных знаков или неправильной этимологизации. Они, казалось бы, подтверждаются некоторыми примерами, но существенные соображения заставляют от них отказаться: а) взаимозамены -t, -d, -z встречаются только в конечном положении, но не отмечаются в начале или середине слова; б) в рукописях возможно смешение -z с -t, но менее вероятно регулярная контаминация -z с -&, -d, -th; в) можно говорить об описке в тех текстах, где более распространены обычные написания, но употребление -t во всех 5-х формах «Жениха», «Латино-французских поэм», «Послания св. Стефана» указывают на то, что эти написания вполне осмысленны; г) наконец, число асигматических форм значительно.

Если рассматриваемые написания не ошибочны, то, может быть, они употребляются по условиям фразовой фонетики или являются графическими вариантами, передавая общую флексию

/-ts/? Пересмотр контекстов позволил отклонить первую догадку, а два соображения заставляют отказаться и от второй: а) преобладание императивов среди форм на -t показывает, что это окончание не случайно, а осмысленно; б) рассматриваемые написания поддерживаются соответствующими употреблениями в других романских языках. В староокситанском асимметрическая флексия отмечается в целом ряде текстов [9]:

Traduction prv. du IVe Evangile. Ms. British Museum, Harley 2928, XII в., Лимузен;

Sermons du XIIIe s. en vieux prv. Ms. Paris, B. N., lat. 3548, XII в., Лимузен;

Daurel et Beton. Ms. Didot, середина XIV в., Верхняя Гаронна и Тарн;

Passion prv. du ms. Didot. Та же рукопись;

Le Débat de la Vierge et de la Croix. Та же рукопись;

Girart de Roussillon. Ms. O — Oxford, Bodleian, Canonici misc. 63, XIII в., Италия; Ms. P — Paris, B. N., fr. 2180 (anc. 7991), XIII в., Перигор;

Jaufré. Ms. Paris, B. N., fr. 2164 (anc. 7988), XIV в., окрестности Нима;

Traité prv. de pénitence. Ms. Biblioteca comunale di Todi, № 128, XIV в., Керси;

La Vie de Ste. Enime. Ms. Paris, Bibliothèque de l'Arsenal 6355 (anc. Belles — Lettres fr. 55 A), XIV в., Жеводан;

Bède le Vénérable. Liber scintillarum, traduction prv. Ms. Paris, B. N., fr. 1747 (anc. 7694), XIV в., Дофине.

В современных окситанских диалектах -t встречается как в качестве общей флексии 2 л. мн. ч., так и только в императиве. В ретороманских диалектах -t также употребляется как в виде общей, так и императивной флексии. Общая флексия отмечается в нижнеэнгадинском, где она противопоставлена императивному показателю -∅; императивная флексия -t в отличие от общей /-s/-s/ сохранилась во фриульских говорах. За пределами галлороманских и ретороманских областей формы на -t появляются в Иберии и в небольшом архаическом ареале на юге Италии.

Приведенные выше факты и аргументы позволяют считать, что -t (-&), -d, -th передают особую флексию. В таком случае, каково ее происхождение? Может ли она быть первичной или же она развивается вторично в результате перестройки показателя /-ts/?

Некоторые романисты высказывают догадку, что рассматриваемое образование возникло в результате системной перестройки 5-й формы на /-ts/ [11], но не приводят в подтверждение никаких данных, считая, очевидно, что молчаливого допущения о возможности перестройки 5-й формы по 2-й или 4-й, или по другому образцу вполне достаточно.

Другие предполагают развитие -t из /-ts/ фонетическим пу-

тем в результате утраты сибилантного придатка в конце слова; этому предположению отыскивают опору в текстах, а потому оно собрало наибольшее число голосов [12]. В самом деле, если 5-t образуется фонетическим путем, то это упрощение должно затрагивать и другие словоформы с /-ts/ в исходе; так оно и происходит во многих текстах. Но предположение о фонетическом упрощении наталкивается на ряд трудностей, которые можно преодолеть только за счет достаточно сильных дополнительных допущений: а) как объяснить встречающиеся в текстах взаимозамены -t, -d, -th, -z [13]? б) кроме 2 л. мн. ч., замены имеют место в именных формах, а стало быть, речь может идти не о фонетическом развитии, а об ослаблении падежной флексии, которое вместе с сохранением 5-t создает впечатление фонетического развития; в) если имело место развитие /-ts>-t/, то как объяснить сохранение оппозиции «общая флексия /-ts/-s/ ~ императивная флексия /-t/» (Орийак, Юсту, Беарн)?

Эти трудности ограничивают второе предположение и повышают вероятность третьего, в соответствии с которым флексия -t является рефлексом латино-романского /-te/ [14]. Основной довод в пользу этого предположения — распространение показателя -t в ряде романских диалектов в качестве как императивного, так и общего показателя. Кроме того, асигматическая флексия хорошо вписывается в предполагаемую историю романских окончаний 2 л. мн. ч.

Исследование достаточно полного романского материала показывает, что первоначально в общероманском существовало противопоставление общей флексии /-tes/ и императивной /-te/, которое сохранилось в Сардинии, южной Лукании — северной Калабрии, а также, может быть, в Иберии, в отдельных окситанских говорах и во фриульском. К I в. н. э. произошло распространение общей флексии на парадигму императива; противопоставление ослабло и приняло вид /-tes/ ~ /-te(s)/. Возникли предпосылки для обобщения флексии 5-й формы, что и произошло в большинстве романских языков.

На западе Романии в результате озвончения интервокальных противопоставление приняло вид /-des/ ~ /-de(s)/. В Галлоромании после падения заударных с VIII в. образовалось соотношение /-ts/ ~ /-t(s)/, которое получало различное развитие в разных областях: а) эволюция во взаимозаменяемые варианты /-ts/-t/ с преобладанием первого в старофранцузском и староокситанском; б) обобщение одного из вариантов: /-t/ в современных южных, юго-западных и некоторых других окситанских говорах; /-ts>-u/ в старокаталанском, /-ts>-s/ во французском и окситанском; в) сохранение противопоставления общей флексии императиву: /-s/ ~ /-t/ в современных окситанских говорах

Орийака, Юсту, Беарна, /-s/ ~ /-t/ во фриульском, /-s/ ~ /-Ø/ в сельвском и верхнеэнгадинском, /-t/ ~ /-Ø/ в нижнеэнгадинском.

Закономерности развития старофранцузского консонантизма позволяют предварительно предположить, что написания -t, (-&), -d, -th передавали зубной или межзубный варианты фонемы /-t/, а возможно и сохранились некоторое время после его утраты. Полное исчезновение асигматических форм во французском, в отличие от окситанского, произошло, вероятно, из-за морфологической неясности и совпадения с формами пассивного причастия, а в написании и с формами 3 л. ед. ч.

Итоги: а) независимо от того, насколько убедительны сделанные нами выводы, романисту необходимо считаться с существованием в старофранцузский период флексии 2 л. мн. ч., передаваемой в написаниях -t (-&), -d, -th и соответствующей окситанскому показателю /-t/, а сама флексия заслуживает упоминания в пособиях по истории французского языка; б) предварительно можно утверждать, что написания не являются ни результатом описки, ни графическими разновидностями общераспространенной флексии /-ts/, а обозначают самостоятельный показатель /-t/ с возможными вариантами фонетической реализации; в) наши предположения о распространении этого показателя (юг, юго-запад, восток Франции, Англия, X—XIV вв.) и его происхождении (рефлекс общероманского /-te/) требуют уточнения, которое возможно на основе обследования более широкого круга старофранцузских текстов и путем дальнейшего изучения флексии в романской перспективе.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Hofmann C.* Über zwei altromanische Denkmäler des X. Jahrhunderts.— In: *Gelehrte Anzeigen der k. bayer. Akademie der Wissenschaften. Bulletin der drei Klassen*, 1855, Bd. 40, n° 5—6, S. 42—45.

2. *Cloetta W.* Le Mystère de l'Époux.— In: *Romania*, XXII, 1893, p. 177—229.

3. *Behrens A.* Die Endung der 2. Pers. Pl. des altfranzösischen Verbuns. Diss. Greifswald, 1890.

4. *Myer-Lübke W.* Grammatik der romanischen Sprachen. Leipzig, 1890—1902, Bd. 11, S. 177, 192; *Historische Grammatik der französischen Sprache*. Heidelberg, 1934, S. 217—220.

5. *Nyrop K.* Grammaire historique de la langue française. Copenhague, 1899—1930, Vol. II, p. 119.

6. *Шушмарев В. Ф.* Историческая морфология французского языка. М.; Л., 1952, с. 162.

7. *Poerck G. de.* Les plus anciens textes de la langue française comme témoins de l'époque.— In: *Revue de Linguistique Romane*. XXVII, 1963, n° 105—106, p. 24—26.

8. *Moignet G.* Grammaire de l'ancien français. Paris, 1973¹; 1976², p. 62.

9. Для каждого текста указывается время и место переписки рукописей, содержащих асигматические формы; такие данные относительно оригиналов не приводятся.

10. *Busch E.* Laut- und Formenlehre der anglonorm. Sprache des XIV. Jahrhunderts. Diss. Greifswald, 1887, S. 61, 63.

11. *Ulrich J.* Die S-lose Form der I. Pluralis.— In: *Zeitschrift für romanische Philologie*. XIX, 1898, S. 463—465; *Ronjat J.* Grammaire historique des parlers provençaux modernes. Montpellier, 1930—1937, Vol. III, p. 158—159, 168—169; *Rohlfs G.* Le Gascon. Paris, 1935¹; 1970², p. 213; *Poerck G. de.* Loc. cit.

12. *Avalle D'A. S. Cultura e lingua francese delle origini nella «Passion» di Clermont-Ferrand.* Milano; Napoli, 1962, p. 73—74; *Drama delle vergini prudenti e delle vergini stolti.* Milano; Napoli; 1965, p. 28, 59—60.

13. Может быть, имеет место иное фонетическое явление, а именно нейтрализация конечных (-t, -d, -ts, -dz, [^]t, [^]d) и их совпадение в звуке типа [t^h/d^h], т. е. в зубном с сибиллянтным придатком. Для уточнения этого вопроса требуется дополнительное изучение конечных с учетом истории системы склонения, 5-й, 3-й и 6-й глагольных форм.

14. Сохранение императивного /-te/ с последующим распространением на другие парадигмы в старофранцузском допускал А. Беренс, в окситанском и ретороманском под влиянием 4-й асигматической формы предполагал В. Мейер-Любке и в окситанском среди прочих возможностей не отрицал Ж. Ронжа; см.: *Behrens A. Op. cit., S. 47; Meyer-Lübke W. Grammatik...*, Bd. II, S. 177; *Ronjat J. Op. cit., p. 168—169.*

В. А. Якимов

(Пермь)

ПРИНЦИПЫ СЕМАНТИКО-СИСТЕМНОГО ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ СЛОВАРНОГО ГНЕЗДА

Семантический анализ лексических единиц, образующих определенную лексико-семантическую группу (ЛСГ), представляет собой актуальную задачу современной лингвистики и, в частности, исторической лексикологии и семасиологии. Предметом настоящего исследования является группа существительных с основой на *og-*, входивших в ЛСГ «берег» старофранцузского языка.

Обращение к письменным памятникам старо- и среднефранцузского языка, этимологическим и историческим словарям показывает, что одним из источников географической лексики старофранцузского языка является латынь. В классической латыни было три слова (*litus, oga, gira*), которые в своей смысловой структуре имели значение «берег» и были поэтому частичными синонимами. Все три существительных в разные периоды вошли в лексику французского языка.

В старофранцузский период мы находим только два бывших латинских существительных в новой форме: *og* (*oge, ogé* и др.) и *give*. Если *give* в значении «берег» было широко известно в старофранцузском, то производные от *oga* в этом же значении не получили большого распространения. По-видимому, это связано с тем, что значение «берег» — не основное у латинского этимона — оставалось таковым и в старофранцузский период и что бытовало уже несколько слов с этим значением, а потому производные от *oga* могли испытывать давление системы. Кроме того, всему ряду производных от *oga* была свойственна необычайно богатая и разнообразная этимологическая омонимия. Закон Шпербера и закон «иррадиации синонимов», чрезвычайно характерные для старофранцузского языка, оказались не в состоянии противостоять и давлению омогруппы. В результате производные от *oga* в значении «берег» впоследствии полностью утратили это значение в литературном языке и, следовательно,